

Проблема «исчезновения» набатейских племен в VII–V вв. до н. э.*Походнякова Алена Сергеевна*

Аспирантка Харьковского национального университета
имени В. Н. Каразина
alyona.pokhodnyakova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0674-2983

Статья посвящена раннему периоду истории набатейского общества, в частности, рассмотрению вопроса о причинах отсутствия упоминаний о набатеях в письменных источниках в период VII–V вв. до н. э., учитывая специфику образа жизни кочевых обществ. Автор приходит к выводу, что в VII в. до н. э. у набатеев существовало «кочевое» государство с царем во главе, не предполагавшее обязательного наличия оседлого образа жизни. Необходимость в функционировании государственных структур, зародившихся еще в глубокой древности под влиянием внешней угрозы, исчезла в период VII–V вв. до н. э., и появилась снова в период эллинизма. Вследствие этого и произошел столь быстрый скачок развития и окончательное становление Nabateyского государства ко II в. до н. э.

Ключевые слова: набатеи, кочевники, кочевое государство, государственные структуры

Проблема «зникнення» набатейських племен у VII–V ст. до н. е.*Походнякова Альона Сергіївна*

Аспирантка Харківського національного університету
імені В. Н. Каразіна
alyona.pokhodnyakova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0674-2983

Стаття присвячена ранньому періоду історії набатейського суспільства, зокрема, розгляду питання про причини відсутності згадок про набатеїв в письмових джерелах в період VII–V ст. до н. е., з огляду на специфіку способу життя кочових суспільств. Автор дійшов висновку, що в VII ст. до н. е. у набатеїв існувала «кочова» держава з царем на чолі, що не вимагало обов'язкової наявності осілого способу життя. Необхідність у функціонуванні державних структур, що зародилися ще в глибоку давнину під впливом зовнішньої загрози, зникла в період VI–V ст. до н. е., та з'явилася знову в період еллінізму. Внаслідок цього і стався такий швидкий стрибок розвитку й остаточне становлення Nabateyського держави у II ст. до н. е.

Ключові слова: набатеї, кочівники, кочова держава, державні структури.

The Problem of “Disappearance” of the Nabataean Tribes in the 7th – 5th centuries BC.

Pokhodniakova A.

PhD student of V. N. Karazin Kharkiv National University
alyona.pokhodnyakova@gmail.com
ORCID: 0000-0002-0674-2983

The article is devoted to the early period of the history of the Nabataean society, in particular, to consideration of the problem of the reasons for the lack of mention of the Nabataeans in narrative sources during the 6th – 5th centuries BC, taking account of specifics of a nomadic societies' lifestyle. As a result of this research, a solution was proposed for the “historical” aspect of this problem, discussions about which are still being held among scientists. The author concludes that the Assyrians, faced with the Nabataeans in the 7th century BC, perceived them as an independent subject of foreign policy. It was a “nomadic” state with a king at the head, which did not imply a compulsory sedentary lifestyle, to which the Nabataeans would come only in the 2nd century BC. The need for the functioning of state structures that originated in ancient times under the influence of an external threat disappeared during the 6th – 5th centuries BC, and appeared again in the Hellenistic period. As a result of this, there was such a rapid development jump and the final formation of the Nabataean State in the 2nd century BC.

Keywords: Nabataeans, nomads, nomadic state, state structures.

Появление набатеев на международной арене и формирование Набатейского государства остается одной из сложнейших проблем истории Ближнего Востока I тыс. до н. э. Ранняя история набатейского общества до сегодняшнего дня является дискуссионной темой, в рамках которой появляются различные, нередко противоречащие друг другу, точки зрения, что обусловлено различными подходами исследователей к интерпретации источников.

Принято считать, что историю набатеев целесообразно вести с IV в. до н. э., когда упоминания о них впервые встречаются в трудах древнегреческих авторов (Diod. II. 48–49; XIX. 94–100), но в то же время, существуют ассирийские источники VII в. до н. э., в которых упомянут набатейский царь Натну (Ashurbanipal VIII, 56–72). Большинство исследователей отказывается отождествлять набатеев ассирийских документов и набатеев греческих источников по двум основным причинам. Первая из них заключается в так называемой «лингвистической» дискуссии о невозможности трансформации согласных и потери гласной при переходе термина из одного языка в другой [28; 9, p. 221–223]. В то же время, ряд ученых приводит более чем убедительные аргументы, опираясь на аналогичные примеры трансформаций, в пользу того, что отождествление вполне возможно [24, p. 62; 15, p. 45–75; 5, p. 1–6; 1, p. 8; 4 p. 104; 8, p. 94; 25, p. 312; 14, p. 590; 13]. Признание того, что термин ассирийских источников *na-bā-tu* и *Ναβαταῖοι* греческих источников обозначают один народ, автоматически порождает проблему исторического характера, заключающуюся в том, что между VII в. до н. э. и IV в. до н. э., когда набатеи появляются в греческих источниках,

существует более чем двухсотлетний временной промежуток [5, р. 834–835]. Этим и вызваны попытки установить дату появления набатеев на международной арене не ранее IV в. до н. э.

Также в историографии сложилось устойчивое представление о практически мгновенном переходе набатеев к государственному устройству только во II в. до н. э. Это объясняется не только существованием хронологического разрыва в период VI–V вв. до н. э., но и тем, что античный нарратив рисует набатеев IV в. до н. э. отсталыми кочевниками. Такой быстрый переход от кочевого к оседлому способу жизни с последующим образованием государства, которое возникло словно из ничего, кажется достаточно необычным. Очевидно, что государство не может возникнуть без определенных предпосылок, которые складываются в процессе длительного времени, однако до сегодняшнего дня ученые не предпринимали попыток обозначить условия и этапы формирования государственности в набатейском обществе. В данной статье предлагается вариант решения проблемы двухсотлетнего «молчания» источников с учетом специфики образа жизни кочевых обществ.

В ассирийских источниках набатей представлены как организованная сила под управлением царя, а в источниках VI–V вв. до н. э. отсутствуют упоминания Набатейского государства или правителей Набатей, что позволяет некоторым авторам видеть в этом подтверждение тезиса о нетождественности набатеев VII в. до н. э. и набатеев III в. до н. э., и говорить о более позднем появлении набатеев в ближневосточном регионе.

Однако, у кочевого общества, по мнению современных исследователей, нет внутренней потребности в государстве, поскольку его экстенсивная экономика, низкая плотность населения и отсутствие оседлости не предполагают необходимости развития сколько-нибудь легитимизированной иерархии и специализированного бюрократического аппарата [30; 21; 2; 32; 17; 10; 18; 3; 31]. Необходимы внешние факторы, которые спровоцировали бы начало формирования государственности. В отношении набатеев можно выделить два основных: потребность контролировать торговые пути, проходящие через набатейские территории, а также защита от внешней угрозы со стороны соседних держав. Именно эти два фактора, на наш взгляд, запустили процесс внутренних изменений в обществе, зафиксированный еще в VII в. до н. э., когда набатей упоминаются в ассирийских источниках. В то время, вероятно, уже начала формироваться сложная политическая организация, примером которой может являться упоминание набатейского царя Натну (Ashurbanipal VIII, 56–72). Толчком к этим процессам послужили не только прямые военные столкновения с ассирийской армией, но и сам факт укрепления Ассирийской империи в Ханаане в VIII–VII вв. до н. э. Система крепостей и гарнизонов на торговых путях Заиордания, как утверждают исследователи, изменила положение населения полупустынь и привела к формированию государств Эдома, Моавы и Аммона [23, р. 113–114; 26, р. 280]. Их земли, вероятнее всего, граничили не только с владениями арабов-кедаритов, но и набатеев. Возникновение стабильных государств, пользовавшихся покровительством Ассирии, затруднило их кочевым соседям не только торговлю, но и, вероятно, выпас стад, что вызвало ускорение процессов формирования государства у кочевников – кедаритов, и набатеев.

Н. Н. Крадин утверждает, что политические образования кочевников не могут быть интерпретированы как государства в полном смысле этого слова [30, с. 314–336]. Существует

группа так называемых «интегративных» или «управленческих теорий», согласно которым феномен государства у кочевников рассматривается как более высокая стадия экономической и общественной интеграции [11; 27; 6; 7; 12]. Сходства с государством проявляется только в отношениях с внешним миром, среди них можно выделить: военно-иерархическую структуру кочевого общества для добычи продуктов и товаров у соседей и для защиты от внешнего давления; международный суверенитет; специфический церемониал во внешнеполитических отношениях. С точки зрения соседних земледельческих цивилизаций, такие кочевые общества воспринимались как самостоятельные субъекты международных политических отношений, нередко рассматриваемые как равные по статусу политии, которые имели сложную систему титулатуры вождей, они вели дипломатическую переписку с соседними странами, заключали династические браки с членами элиты земледельческих государств.

Во время столкновения с ассирийцами в набатейском обществе уже имелись некоторые элементы государственных структур, во главе племени стоял царь, набатеи участвовали в международной политике. Разумеется, это не такой вид государства, как у оседлых обществ, однако перечисленные признаки государственности были заложены уже тогда, а впоследствии получили свое развитие в эллинистическую эпоху. Можно предполагать, что два столетия «молчания» – это период, когда в силу отсутствия внутренней и внешней необходимости процесс развития государства приостановился, произошел откат назад, но в эллинистическую эпоху вновь возродился под влиянием внешних факторов.

Кочевые общества демонстрируют большую гибкость, чем оседлые народы и появление государственных институтов у кочевников не означает, что они должны сохраняться неизменно и в дальнейшем. Государственные структуры набатеев возникают под влиянием системной внешней угрозы – Ассирийской империи, но в момент ослабления внешнего влияния функционирование этих структур снижается, а для внешнего наблюдателя и вовсе исчезает. В случае возобновления угрозы государственные институты достаточно быстро возрождаются, что и продемонстрировала эпоха эллинизма. Таким образом, не существует исторических аргументов, которые бы препятствовали отождествлению набатеев ассирийских источников и набатеев периода эллинизма.

Что же происходило с набатеями в тот период, пока их история не отражалась в свидетельствах источников? В настоящее время этот вопрос остается нерешенным. Существует группа авторов [29, р. 25; 19, S. 74–86; 15, р. 53; 22, р. 47–48; 16, S. 15–19], которые пытаются реконструировать историю набатеев до момента появления упоминаний о них в греческом нарративе в IV в. до н. э., однако они не учитывают наличие ассирийских источников. По их мнению, в период V–IV вв. до н. э. кочевое племя кедаритов, которые известны как наиболее организованное из северных арабских племен, контролировало северные территории от Хиджаза и Негева до южной Палестины с центром в Лахише. Кедариты также известны как непосредственные соседи провинции Ахеменидов Йехуд. В период своего могущества, который приходится на IV в. до н. э., они контролировали обширный регион между Персидским заливом и Синайским полуостровом [29, р. 26]. Произошло это, вероятно, после упадка Эдома как следствие политики Нововавилонского царства [26, р. 281]. Согласно библейской традиции, кедариты были потомками Кедара, второго сына Исаила, упомянутого в Книге Бытия

(Gen. 25:13) и в Первой Книге Хроник (1 Chron. 1:29), где содержатся частые ссылки на Кедар как на племя. Кедариты контролировали торговлю в своем регионе до того, как контроль перешел к набатеям и уже они стали главными торговцами ладаном на Аравийском полуострове и в Средиземноморье [29, p. 26].

Кедариты также противостояли персам (Diod. XV. 2. 3–4), которые, между тем, подавили восстания и провели реорганизацию подчиненных им аравийских территорий. Найденные глиняные черепки с арамейскими надписями позволяют утверждать, что персидская сатрапия Идумея (или Эдом) образовалась до 365 г. до н. э. [29, p. 26]. Эти события происходили после восстания египетского фараона Ахориса и Эвагора, царя кипрского города Саламин, в 385–380 гг. до н. э. В результате была образована провинция Идумея, что означало потерю значительных территорий кедаритами, которые утратили также и свои позиции в торговле ладаном. Вероятно, все эти обстоятельства и стали причиной вытеснения кедаритов набатеями, поскольку набатеи, а не кедариты, в более поздних источниках упоминаются как торговцы ладаном [29, p. 27].

Согласно точке зрения Э. Кнауфа, могло быть, что персы потеряли интерес к территории эдомитян после 400 г. до н. э. и перестали каким-либо образом осуществлять над ними контроль, что дало возможность набатеям занять эти земли [20, p. 76–77]. Э. Кнауф полагает, что набатеи – это отделившаяся от кедаритов группа племен, однако Р. Веннинг отрицает эту точку зрения, утверждая, что наказание кедаритов теряет всякий смысл, если привилегии в торговле ладаном перешли к отделившейся от них самой части племен [29, p. 26–27]. На наш взгляд, нет никаких оснований предполагать, что набатеи могли являться отделившейся частью других племен, и Э. Кнауф не утверждал бы подобного, если бы в его исследовании были привлечены также ассирийские источники VII в. до н. э. Р. Веннинг предполагает, что набатеи жили в Хиджазе или на территории северной Иордании, а впоследствии под влиянием персов на политику в данном регионе утвердились как посредники в торговле, что привело к росту влияния и могущества набатеев. Все эти изменения привели к тому, что под контролем набатеев оказалась торговля благоуханиями от Дедана до Газы (которая была конечным пунктом торгового пути и приобрела особый статус персидского гарнизона). Это позволило персам контролировать морские и сухопутные торговые пути к Египту [29, p. 27].

Таким образом, когда ассирийцы столкнулись с набатеями в VII в. до н. э., они воспринимали кочевников как самостоятельный субъект внешней политики, некое государство с царем во главе. Это не было типичное государство, которое существовало у земледельческих народов, а скорее, «кочевое», не предполагающее обязательного наличия оседлого образа жизни, к которому набатеи перешли только во II в. до н. э. Государственные структуры, зародившиеся и функционировавшие в набатейском обществе в VII в. до н. э., в период «молчания», по всей вероятности, утратили свою важность из-за отсутствия серьезной внешней угрозы. Именно поэтому внешние признаки государственности могли попросту не проявляться, набатеи перестали быть объектами внешней политики, а следовательно, не упоминаются в источниках, однако это не значит, что народ перестал существовать, и в IV в. до н. э. мы уже имеем дело с «другими набатеями». В этот период набатейские племена столкнулись с персами и смогли взять контроль над торговлей в регионе. В эпоху эллинизма, когда ситуация в ближневосточном регионе вновь изменилась, зародившиеся уже

давно государственные структуры вновь начали полноценно функционировать в набатейском обществе, вследствие чего и произошел столь быстрый скачок развития, переход к оседлому способу жизни и образованию Nabateйского государства в том формате, который мы видим со II в. до н. э.

Литература

1. Ackroyd P. R. *Meaning and Exegesis // Words and Meaning: Essays Presented to David Winton Thomas*. Cambridge, 1968. P. 1–14.
2. Bacon E. *Obok. A Study of Social Structure of Eurasia*. New York, 1958.
3. Barfield T. *The Perilous Frontier: Nomadic Empires and China, 221 BC to AD 1757*. Cambridge, 1992.
4. Barr J. *Comparative Philology and the Text of the Old Testament*. Oxford, 1968.
5. Broome E. C. *Nabaiati, Nebaioth and the Nabataeans: the Linguistic Problem // Journal of Semitic Studies*. 1973. Vol. 18. P. 1–16.
6. *The Early state / Ed. H. J. M. Claessen, P. Skalnik*. The Hague, 1978.
7. *Origins of the state: the anthropology of political evolution / Eds. R. Cohen, E. Service*. Philadelphia, 1978.
8. Collinge N. E. *Names and Resistance to Sound Shifts // Proceedings of the Eighth International Congress of Onomastic Sciences*. The Hague. 1966. P. 94–95.
9. Eph'al L. *The Ancient Arabs: Nomads on the Borders of the Fertile Crescent, 9th–5th Centuries B. C*. Jerusalem, 1982.
10. Fletcher J. *The Mongols: ecological and social perspectives // Harvard Journal of Asiatic Studies*. 1986. Vol. 46. P. 11–50.
11. Fried M. *The Evolution of Political Society: an essay in political anthropology*. New York, 1967.
12. Gailey C., Patterson T. *Power Relations and State Formation*. Washington. 1988.
13. Geers F. *The Treatment of Emphatics in Akkadian // Journal of Near Eastern Studies*. 1945. Vol. 4. P. 65–67.
14. Gleason H. A. *An Introduction to Descriptive Linguistics*. New York, 1955.
15. Graf D. F. *The Origin of the Nabataeans // Aram*. 1990. № 2. P. 45–75.
16. Hackl U., Jenni H., Schneider C. *Quellen zur Geschichte der Nabatäer: Textsammlung mit Übersetzung und Kommentar*. Freiburg, 2003.
17. Irons W. *Political Stratification Among Pastoral Nomads // Pastoral Production . Society*, 1979. P. 361–374.
18. Khazanov A. M. *Nomads and the Outside World*. Cambridge, 1984.
19. Knauf E. A. *Die Herkunft der Nabatäer // Petra. Neue Ausgrabungen und Entdeckungen*. München, 1986. S. 74–86.
20. Knauf E. A. *Edom and Arabien // Biblische Notizen*. 1988. № 45. S. 62–79.
21. Lattimore O. *Inner Asian Frontiers of China*. London–New-York, 1940.
22. Macdonald M. C. A. *Reflections on the linguistic map of the pre-Islamic Arabia // AAE*. 2000. P. 28–79.
23. Na'aman N. *Province System and Settlement Pattern in Southern Syria and Palestine in the Neo-Assyrian Period // Neo-Assyrian Geography / Ed. by M. Liverani*. Roma, 1995. P. 103–115.
24. Reiner E. A. *Linguistic Analysis of Akkadian*. Hague, 1966.

25. Robins R. H. *General Linguistics*. Bloomington, 1965.
26. Schneidewind W. M. *The Rise of the Aramean States // Mesopotamia and the Bible. Comparative Explorations / Ed. by M W. Chavalas, K. L. Younger, Jr. Michigan, 2002. P. 276–287.*
27. Service E. *Origins of the State and Civilization*. New-York, 1975.
28. Starky J. *Petra et la Nabaténe // Supplement au Dictionnaire de la Bible. 1966. T. 7. Cols. 886–1017.*
29. Wenning R. *The Nabataeans in History // The World of the Nabataeans: the International Conference «The World of the Herods and the Nabataeans» (17–19 April 2001). Stuttgart, 2007. P. 25–44.*
30. Крадин Н. Н. *Кочевники, мир-империи и социальная эволюция // Альтернативные пути к цивилизации. М., 2000. С. 490–511.*
31. Крадин Н. Н. *Кочевые общества. Владивосток, 1992.*
32. Марков Г. Е. *Кочевники Азии. Структура хозяйства и общественной организации. М., 1976.*